
С Е Р И Я

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ПОВЕСТЯХ И РОМАНАХ

ОГНЕННЫЙ ПЕРСТ
БОХ И ШЕЛЬМА
ВДОВИЙ ПЛАТ
СЕДМИЦА ТРЕХГЛАЗОГО

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

**БОРИС
АКУНИН**

ОРЕХОВЫЙ
БУДДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А44

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

*Серия «История Российского государства»
издается с 2013 года*

Научный консультант — М. Черейский

Оформление переплета — А. Фerez

Иллюстрации — И. Сакуров

Заставки и концовки — М. Душин

Акунин, Борис
А44 Ореховый Будда: [роман]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. —
288 с.: ил. — (История Российского государства).

ISBN 978-5-17-082573-8

Роман «Ореховый Будда» описывает приключения священной статуэтки, которая по воле случая совершила длинное путешествие из далекой Японии в не менее далекую Московию. Будда странствует по взбудораженной петровскими потрясениями Руси, освещая души светом сатори и помогая путникам найти дорогу к себе...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

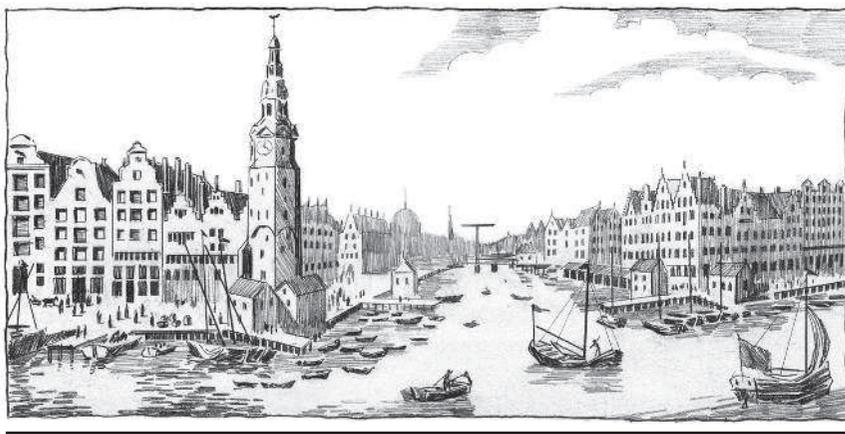
© В. Akunin, автор, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть первая

ПОТЕРЯТЬ

МАРТА «ПОРОХОВОЙ ПОГРЕБ»

Амстердам. 1698 г.

Был у Марты когда-то клиент, пушкарь с ост-индского барка. Так, ничего интересного, обычный кобель из тех, кого портовые шлюхи называют «недельными господами», потому что, вернувшись в порт, моряки широко гуляют и спускают все свое многомесячное жалованье за неделю. Единственно, пушкарь был остёр на язык и дал подружке прозвище, которое прилипло: Крюйт-камера. Во-первых, из-за волос, похожих на языки яркого пламени, — таких же задорно-оранжевых, как королевское знамя. Марта любила сооружать замысловатые прически: будто у нее на голове костер или ворох осенних листьев. А во-вторых, из-за темперамента. Так-то она была тихая, вся в себе, но если в глубоко упрятанную душу попадет искра — взрывалась так, что себя не помнила и о последствиях не думала. Редко, но случалось.

Вот и сейчас рвануло — когда Свинячья Морда ляпнул про Шпинхаус и Насосный Подвал. Полыхнуло в груди, потемнело в глазах — и каак шандарахнет!

Это потому что Марта уже пришла к гаду сама не своя, с мокрыми глазами и в тряске.

Средовит Бугга

Пила дома кофе, думала про Родье, а тут от него записка из гостиницы «Кабанья голова», где живут русские. Мальчишка-рассыльный принес. Марта улыбнулась, развернула, стала читать — чашка полетела на пол.

Родье сообщал, что Царь-Петер уплывает в Англию, берет с собою очень немногих, в том числе и его. Это великая честь, только горько расставаться с мейфрау Крюйткамер (он думал, у нее такая фамилия). Сам он за предотъездными хлопотами отлучиться из гостиницы не может, но будет счастлив, если благородная госпожа найдет время сделать ему прощальный визит, а он сказал бы ей нечто очень важное.

Не обращая внимания на забрызганное горячей коричневой жидкостью платье (хотя оно, красивое и дорогое, было безнадежно испорчено), Марта сидела и ревела, как последняя дура. Она, конечно, знала, что однажды все закончится, но старалась об этом не думать, как люди живут себе и не думают о неизбежной смерти. А та в конце концов обязательно приходит.

Три с половиной месяца Марта будто по облакам порхала, почти не касаясь грязной земли. «Почти» — потому что служба есть служба и к Свинаячьей Морде по воскресеньям таскаться все же приходилось, но это ладно.

В своей жизненной карьере Марта достигла хорошего положения, ей многие завидовали. Довольно вспомнить, с чего начинала. Как ее, четырнадцатилетнюю деревенскую простушку, выгнали из служанок взашей с растущим пузом; как чуть не подохла от вытравленного плода; как потом зарабатывала на кусок хлеба по портовым притонам и мечтала о незаплатанной юбке. А теперь? Поднялась до *салет-йофер*, «салонной барышни», которая чисто живет, модно одевается и имеет солидного покровителя.

И что после того случая не может понести — тоже удобство. Само собой, иногда бывает страшно, что лет через пять состаришься и будешь доживать одна-одинешенька, никому не нужная, однако это когда еще будет, и к тому же Марта, в

отличие от других куриц-баб, умела копить деньги, а херр Ван Ауторн (Свинячьей Мордой она называла его только когда злилась) научил вкладывать их в облигации Ост-Индской компании. Триста сорок гульденов уже трудятся там, приносят восемнадцать процентов годовых. А будет больше.

В общем-то повезло с покровителем, грех жаловаться. Старая подруга Фимке по прозвищу Фрисеку, Фризская Корова, сильно Марту ревновала. Фимке была в хорошем теле (потому и «корова»), но по-коровьи же и тупая, да еще с неистребимым северным говором (потому и «фризская»). Когда-то они вместе работали в *музико*, музыкальном салоне, где мужчины танцуют с красивыми девушками, а при желании ведут их наверх, но с тех пор пути у товарок разошлись. Марта пошла вверх — попала на содержание к господину Ван

Средовий Бугга

Ауторну, а Фимке Фрисеку в салоне не удержалась, скатилась в «трактирные». Очень из-за этого переживала и дулась на Марту, будто та виновата.

А прошлой осенью, в конце сентября, вдруг заявила гордая, в новом чепце с лентами, и говорит: «Ты всего лишь содержанка у одного из шестидесяти *бевиндхебберов* Компании, а я любовница московитского императора Царь-Петера! Гляди, какой чепец я себе купила, шелковый! И это только начало». Оказалось, что в своем шпилхаузене, где пьют после работы мастера с верфи, она попала на глаза полоумному русскому королю, про которого тогда судачил весь Амстердам, и царь прельстился ее коровьими статьями.

Марта, конечно, говорит: «Врешь!». Но Фимке ей: «А хочешь, покажу тебе моего Петера? Он и его свита каждый вечер у нас в “Якоре” сидят».

Разумеется, Марта видала русского царя и прежде, когда он еще только перебрался из Заандама в оостенбургские доки. Тогда все ходили поглазеть на этакое диво: помазанник божий, властитель пусть дикарской, но великой державы работает на корабельной верфи плотником!

Ну, посмотрела. Несуразно тощий парень с неестественно узким телом и маленькой головкой, с длиннющими ногами и крошечными ступнями суетился, бегал, брался то за одно дело, то за другое и ничего не доводил до конца. Будь это обычный человек, такого плотника давно выгнали бы взашей.

В другой раз видала, как царь ставит мачту на бопере (говорили, какой-то хитрец слупил с москвитя за маленькую лодку двести гульденов) и неловко маневрирует под ветром близ Восточных островов. Все смеялись: не король, а бедный лодочник, и страна у него, должно быть, такая же нищая.

Но это было до того, как царь подарил городу Амстердаму великолепный фейерверк, а потом Марта видала из толпы на площади Дам пышный поезд русских послов, следовавший в ратушу. Ах, какие у них были наряды — сплошь золотая и

серебряная парча! А драгоценные сабли! А лошади с упряжью в самоцветах!

И все стали говорить, что Царь-Петер — как калиф из арабской сказки. Такой богатый, что ему незачем пускать пыль в глаза. Потом люди привыкли и только хвастались приезжим: «А у нас на Оостенбургском канале русский царь плотником работает. Хотите посмотреть?»

Но одно дело пялиться издали, и совсем другое — поглядеть на августейшую особу вблизи.

«Ой, пойдём, пойдём, ну пожалуйста!» — стала Марта упрашивать. Корова немного покобенилась и взяла. Понятно почему: хотела показать русским, какая нарядная у нее подруга, настоящая *dame*.

По дороге Марта расспросила про постельные повадки московитского короля. «А, ничего особенного. Обычный торопыга, — сказала Фимке. — Помнишь Клауса Гессенца? Такой же. Кидается, чуть не зубами грызет, а через минуту уже храпит. Да какая разница? Зато я теперь августейшая *mätresse*. Видишь синяки на шее? Это след пальцев царского величества».

Марта слушала, люто завидовала. Думала: увести Царь-Петера у Фимке будет нетрудно. Достаточно ему увидеть их рядом, ее и Корову. Разделась Марта во все самое лучшее: платье китайского шелка в розово-черную полоску (очень бонтонное, безо всякой крикливости), переливчатая муслиновая шаль, сатиновые башмачки, куафюра «раскрытый апельсин» и почти никакой косметики — это чтоб отличаться от размалеванной Фимке. Корова сказала: «Ты моя молочная сестра, поняла?»

Таверна «Якорь» была самая простецкая. Посетители здесь пили пиво, а ели *белехте-бротье* — срезали с окороков, что свисали прямо с потолка, ломти ветчины да клали на хлеб с маслом, обычная жратва для работяг с верфей. Но угловой стол, к которому Фимке повела подругу, был весь уставлен бутылками и снедью. Из большого горшка несло чесночищем,

Средовый Бугга

там желтел густой гороховый суп, на блюде дымилась жареная свинина с черносливом, на другом — рубленый язык, да пол-головы сыра, да кровяная колбаса, еще дыня, виноград, засахаренные фрукты. А компания, угощавшаяся всеми этими яствами, по виду и платью ничем не отличалась от тех, что сидели за другими столами. Заляпаные смолой и дегтем куртки, засученные рукава, дымящие глиняные трубки. Поглядеть — и не догадаешься, что московиты. Ни меховых шапок, ни кафтанов с золотыми шнурами, какие Марта видела у царских послов. Не было и их долговязого короля. Сидели четверо каких-то парней, все молодые.

— Оо, Фимка! — заорал один, разбитной, с подкрученными усами и звонко шлепнул Корову по заду. — Давай, садись к нам!

Похоже, королевская *мэтрессе* особенным почтением тут не пользуется, насмешливо подумала Марта.

Покосившись на нее, Фимке спросила:

— А где Петер?

— Черт знает. Может, придет. Может, нет.

Русский говорил по-голландски нечисто, но бойко.

— Это мефрау Крюйткамер, моя подруга. Приличная девушка, из хорошей семьи. Моя матушка была у нее кормилицей.

Развязного звали Александр и потом что-то шипящее. Он был старший адъютант Царь-Петера. Остальные трое просто адъютанты. По-русски — *denstchik*. Все худо-бедно объяснялись на голландском.

Веселый старший адъютант Марте не понравился. Знала она таких ушлых, на них не разживешься. Норовят попользоваться девушкой и не заплатить. Еще двое были квелые от выпитого, некрасивые и неинтересные. Но на последнего, совсем молоденького, тихого, славного хотелось смотреть все время. Хорошенький, как китайская фарфоровая кукла! Китайская — потому что глаза немножко раскосые. Волосы до плеч черные, гладкие, на верхней губе пушок, посередине лба

МАРТА «ПОРОХОВОЙ ПОГРЕБ»

чудесная мушка (а может, родинка) и дивные сахарные зубы. Уставился на Марту, будто на чудо какое, она ему улыбнулась — зарделся.

Ужасно он ей понравился. На других русских был совсем не похож. Вообще не похож ни на кого, кого она видела в своей жизни.

Царь-Петер в «Якорь» так и не пришел, но Марта о том не пожалела. Всё любовалась на Родье (так его называли остальные — Rodje или Rodjka) и сердилась, когда наглый Александр над мальчиком потешался: то огрызком кинет, то струю дыма в лицо пустит. «У нас в приличном обществе так себя не ведут, — строго сказала Марта, помня, что она барышня из хорошей семьи. — Стыдитесь, минхер». Нахал немного притих, а красавчик посмотрел на заступницу с благодарностью, от которой стало тепло на сердце.

Так у них с Родье и началось. В следующий раз они встретились уже вдвоем.

Скоро Марта всё о нем знала.

Что ему девятнадцать лет. Что полностью зовут его Rodion Tryokhglasoff. Отец у него большой человек, *лейтенант-колонел* (по-русски полупolkownik) регимента русских мушкетеров «Strieltsi», охраняющего царский замок Krieml. Называется регимент «Striemuannoï Polk», туда берут только высоких, статных красавцев, они носят красные мундиры и вооружены посеребренными алебардами. На ответственную и почетную должность Трехглазов-старший попал в благодарность за то, что спас его величество во время опасного заговора. Вот из какой важной семьи был Родье!

И в адъютанты к самому государю он попал тоже по промыслу своего высокочтимого родителя. Зная, что Царь-Петер любит корабельное дело и всё голландское, мудрый отец велел сыну выучить язык Нижних Провинций, а еще — ловко лазить по деревьям. Потом привез мальчика на озеро,

Ореховый Букка

где его величество строил парусные суда. Король увидел, как быстро Родье карабкается на мачты, как живо он говорит на голландском, крепко расцеловал (великая честь!) и зачислил в штат своих *denstchik*. Адьютантов у русского государя много, двадцать человек, но в европейский вояж он взял с собой только четверых, и один из них — Родье. Понятно, что по возвращении юношу ожидает блестящая придворная карьера. Но больше всего Марте понравилось, что он веселый, а в то же время застенчивый и какой-то неиспорченный. Водки не пил, похабностей не говорил, по девушкам не таскался и вел себя с «мефрау Крюйткамер», как учтивый кавалер с благородной дамой. Она, правда, такую из себя и изображала. Наврала, что покойный батюшка был морской капитан и оставил сироте некоторое состояние.

А тому, что приличная девица разгуливает одна и принимает ухаживания, Родье не удивлялся — знал, что в Амстердаме женщины живут свободно, не как в других местах. На то он и Амстердам, самый вольный, самый богатый, самый легкий город на свете. Где еще дамы и барышни могут сидеть в кофейне со знакомыми мужчинами, не опасаясь за свою репутацию?

Конечно, могла бы проболтаться Фимке, но с нею Марте повезло. Вскоре после того вечера в таверне, чуть ли не на завтра, Царь-Петер прогнал от себя глупую Корову пинками под зад, на потеху зевакам. Все стали дразнить бедную дуру «Цариной», шутить, что зад у нее теперь дворянский, и Фимке не выдержала насмешек, сбежала из Амстердама в свою фризскую глушь, туда ей и дорога. Никто не мешал Марте играть в другую жизнь, красивую и чистую, какой в своем треклятом лахудринском существовании она никогда не видывала.

Мечтать-то Марта всегда любила, с раннего детства. Будто она — не она, а потерявшаяся принцесса, и вот ее находят, и везут во дворец, а там все ей рады, кланяются, наряжают и угощают. Взрослой мечтала, что в нее влюбится некий богатый, прекрасный собой господин, который всё ей простит и увезет в дальние, чудесные края, где никто не слыхивал прозвища «Пороховой Погреб».

Почти то же самое теперь происходило наяву. Юному кавалеру Марта сказала, что ей недавно сравнялось восемнадцать, и он поверил. Потому что у них в России (однажды зашел об этом разговор) женщины к двадцати пяти годам от злых морозов и чрезмерной косметики делаются пожилыми, тучными и водянистыми. Марте было больше, но она смеялась, восклицала: «Ах, двадцать пять — это еще так нескоро!».

Встречаясь, они проводили время очень пристойно. Гуляли вдоль нарядного Господского канала (но вдали от дома Свинаячье Морды). Пили шоколад и сладкий кофе с кори-